

Н. Б. Лебина

Лингвистические источники периода
десталинизации в СССР
(опыт сравнительного анализа
«Толкового словаря языка Совдепии»,
словаря-справочника «Новые слова
и значения» и «Краткой энциклопедии
домашнего хозяйства»)

1950-е — начало 1960-х гг. в российской истории — период многочисленных, в большинстве случаев сумбурных хрущевских реформ, сверхзадачей которых являлось построение коммунизма. Осуществлению этой глобальной идеи должен был способствовать процесс десталинизации. Последний термин чаще всего используется для описания комплекса политических мер по развенчанию культа личности И. В. Сталина. Философ А. А. Зиновьев с определенной долей ерничества писал о поверхностной трактовке явлений, происходивших в СССР в 50–60-х гг.: «Убрали портреты, бюсты и памятники Сталина. Прекратили ссылки на него. Выбросили труп Сталина из Мавзолея. Сделали кое-какие послабления в культуре, особенно — в литературе и кино. Заменили каких-то деятелей сталинского периода в руководстве. Стали предавать гласности кое-какие неприглядные факты прошлого. На Сталина начали сваливать вину за тяжелое положение в стране и за потери в ходе войны. Все эти и другие факты общеизвестны. Совокупность этих фактов и называют десталинизацией советского общества»¹. На самом деле этот процесс был значительно более сложным и объемлющим не только политику, экономику и культуру, но и лингво-бытовую сферу. Сегодня, благодаря большому количеству языковедческих исследований, можно считать установленным наличие употреблявшихся, как в официальной, так и в бытовой лексике 1930–1950-х гг. особых слов и понятий. Их совокупность принято называть языком тотали-

**Лебина Наталия
Борисовна,**

*доктор исторических
наук, профессор,
научный консультант
Российского НИИ
культурного
и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва.
lebina@list.ru*

таризма или «новоязом»². Известный языковед Б. А. Ларин еще на рубеже 20–30-х гг. XX столетия писал, что «историческая эволюция любого литературного языка может быть представлена как ряд последовательных снижений, “варваризаций”, но лучше сказать, как ряд концентрических развертываний»³. Еще один крупный лингвист В. С. Елистратов полагает, что русский язык пережил уже четыре волны «варваризации»: это пушкинская эпоха, время разночинцев, советский период как самая существенная волна и современность⁴. В третьей, советской волне, язык тоталитаризма является хотя и не самым объемным по размеру языковых новаций, но весомым с точки зрения использования вербальных механизмов воздействия на массы. Десталинизация — это в значительной мере направленная деструктуризация тоталитарного образа жизни и тоталитарного мышления, что неизбежно должно было повлечь за собой определенные изменения и в мире языка. Однако научная литература, авторы которой исследуют распад тоталитарного языка, немногочисленна, и посвящена, как правило, маргинальным явлениям: аргю, жаргону, просторечию⁵. В данной статье предпринимается попытка оценить значимость опубликованных лингвистических источников для реконструкции процесса десталинизации советского общества в 50–60-х гг.

Любая историческая эпоха может быть представлена как вербальная система, обеспечивающая «узнаваемость» конкретно-исторического времени потомками. Это бесспорно для периода хрущевских реформ. В сфере обыденного сознания, в так называемой устной памяти (термин Ю. М. Лотмана⁶) они прочно ассоциируются, прежде всего, с употребляемыми Н. С. Хрущевым выражениями «кузькина мать», «пидарасы проклятые», «мы вас закопаем», словосочетаниями: «Кукуруза — царица полей», лозунгами «Держись, корова, из штата Айова», и более нейтральными понятиями «космос», «спутник», «хрущевка» и т. д. В числе приведенных слов в значительной степени присутствуют жаргонизмы и неологизмы, использовавшиеся в первую очередь представителями властных структур 50–60-х гг. В настоящее время начал проявляться исследовательский интерес к языковому фону эпохи Н. С. Хрущева. Появились научные тексты, где анализируется лексика самого советского лидера и некоторые политические термины периода 50–60-х гг.⁷ Однако политическая лексика периода хрущевских реформ — не самый большой пласт языковых новаций этого времени, о чем свидетельствуют лингвистические источники, и в первую очередь — многочисленные словари. Известный культуролог и литературовед М. Н. Эпштейн очень точно заметил: «Словарь — это как бы книга регистрации плодovitых браков между языком и действительностью», подчеркнув тем самым информационную значимость лингвистических данных для реконструкции исторических реалий⁸.

Издания словарного характера в социолингвистике рассматриваются как самостоятельные и обширные базы данных⁹. Это наводит на мысль об использовании их в качестве исторических источников, в частности, по советской эпохе. В первую очередь, кажется логичным обратить внимание на вышедший в 1998 г. «Толковый словарь языка Совдепии»¹⁰, который по замыслу его авторов «...должен всесторонне представить советскую эпоху в лексическом отоб-

ражении»¹¹. Издание включает 6572 лексические единицы. Однако термины и понятия хрущевского времени составляют менее 1 % в их числе (61). «Скудность» представленного в словаре языкового фона эпохи «космоса и кукурузы» усугубляется бедностью его палитры, которая может обогащаться, в частности, появлением глаголов. Еще в XIX в. немецкий филолог и языковед Вильгельм фон Гумбольдт заметил, что «глагол... резко отличается от имени существительного и других частей речи, которые могут встречаться в простом предложении... Все остальные слова предложения подобны мертвому материалу, ждущему своего соединения, и лишь глагол является связующим звеном, содержащим в себе и распространяющим жизнь»¹². Создатели «Толкового словаря языка Совдепии» сочли возможным и необходимым включить в его состав всего лишь 57 глаголов, из них к хрущевскому времени относятся 5 («*глушить*», «*загнивать*», «*прописать*»(?), «*разложиться*», «*репрессировать*»). Нет в издании и сложных слов 50–60-х гг. Таким образом, данный лингвистический источник дает явно неполную картину действительности хрущевского времени. В словаре плохо представлены вербальные символы процесса распада политической системы сталинизма (не уделено внимание понятию «*реабилитация*») и лексические единицы, характеризующие процессы деструкции тоталитарного быта. Создается впечатление, что властные и идеологические структуры в 50–60-х гг. не стремились использовать конструктивные элементы языка для воздействия на сознание человека. Это можно расценивать как отсутствие феномена принципиально новой лексики в постсталинском советском обществе¹³.

Одновременно известно, что 50–60-е гг. — период бурного развития сленга под влиянием, в частности, тюремно-лагерного жаргона, начавшего проникать в язык устойчивых социальных групп населения в ходе массовой реабилитации. Несмотря на важность процесса ликвидации последствий незаконных репрессий, он был не единственным фактором деструкции сталинизма во всех его проявлениях. Многоплановость процесса демократизации советского общества отразилась в новых языковых реалиях 50–60-х гг. Об этом свидетельствуют данные еще одного сугубо лингвистического издания — «Новые слова и значения»¹⁴. Оно дополняет толковые словари русского языка словами и выражениями, появившимися и активно употреблявшимися в начале 60-х гг. XX в. Лексические единицы, занесенные в словарь-справочник, встречались на страницах газет, чтение которых было привычной повседневной практикой в годы хрущевских реформ, звучали в текстах радио- и телепередач, использовались в художественной литературе. В книге, таким образом, зафиксирован официальный язык конца хрущевской эпохи; он мог не только оказывать формирующее воздействие на сознание основной массы населения, но и использоваться ею.

Словарь-справочник включает 3500 слов, из них 135 глаголов, причем в большинстве своем — это новые глаголы, что свидетельствует о динамизме языка хрущевского времени. Лишь 18 глаголов, в числе которых «*выбить*», «*дать (на лапу)*», «*загорать*», «*капать*», «*спустить*» и др., обрели иной смысл в изменившихся социо-культурных условиях. Обильны сложные

двухосновные существительные и прилагательные («автостоповец», «антикоммунистический», «биодатчики», «газорезчик», «гидроусилитель», «киноклассика», «микромир», «неофашистский», «радиопилуля», «сверхпроводник», «телефильм», «фоторужье», «электрогитара» и др.). Они составляют почти 21 % от числа всех слов, приведенных в словаре.

Словарь отразил разнообразные стороны жизни советского общества. Прежде всего, он зафиксировал появление новых понятий политического характера, составивших почти 4 % всех слов, приведенных в издании. В большинстве своем — это термины иностранного происхождения («апартеид», «конгрессист», «конфронтация», «пентагоновский», «сегрегация», «эскалация» и т. д.), но есть и типичные советизмы («антисоветчик», «лениниана», «лениновед», «очернительство» и др.) Обнаружено было два ранее употреблявшихся слова («народный» и «общественный»), смысл которых изменился благодаря новым коннотациям. Это обстоятельство важно, так как тоталитарный язык был наполнен традиционными формами русского языка, получившими иное политическое и социально-бытовое содержание (например, отглагольное прилагательное «бывшие»).

Сопоставление данных «Толкового словаря языка Совдепии» и словаря-справочника 1971 г. позволяет сделать вывод, что из официального дискурса в середине 60-х гг. исчезает понятие «репрессии», имеющее в русском словоупотреблении 50–90-х гг. устойчивую коннотацию «незаконные», что является дополнительным свидетельством изменения политических приоритетов власти. Это рассуждение подтверждается и отсутствием в словаре-справочнике (1971 г.) в противоположность «Толковому словарю языка Совдепии» типичных советизмов, образованных от слова «целина». Одновременно устойчивостью (то есть наличием в обоих изданиях) обладают понятия «антикоммунизм», «антисоветчик», «кинолениниана», «разложенец» и др. Создатели словаря новых слов 60-х гг., конечно, испытывали серьезное давление цензуры. Так, в издании слово «кукурузник», отнесенное авторами «Толкового словаря языка Совдепии» к лексике этого времени, фигурирует лишь как шутовое название самолета, хотя оно же использовалось и как ироническое прозвище самого Н. С. Хрущева¹⁵. Еще любопытнее ситуация с понятием «хрущевка». Согласно «Толковому словарю языка Совдепии», так называется «малогабаритная квартира (обычно в типовых пятиэтажных домах, которые в большом количестве строились в 50–60-х гг.)». Стилистическая помета «разг.» определяет принадлежность данного слова к функциональному стилю бытовой речи¹⁶. Однако остается неясным, когда возникло это слово: во время хрущевских реформ или значительно позже? Подобная лексическая единица, как и понятие «малогабаритка», отсутствовала в официальной лексике 60-х гг., зафиксированной в словаре-справочнике 1971 г. Для исследователя, ставящего задачу реконструкции отношения к жилищной политике Н. С. Хрущева, такая лингвистическая ситуация может явиться свидетельством лояльного восприятия пресловутых «хрущевок» населением, во всяком случае, в период строительного бума 50–60-х гг.

В целом, несмотря на ярко выраженный официальный дискурс, словарь-справочник (1971 г.) дает более полную картину как политической, так социально-бытовой жизни эпохи Н. С. Хру-

щева, нежели «Толковый словарь языка Совдепии». Обширно количество новых слов, связанных со сферой повседневности: одеждой, транспортом (автомобилем), тканями, бытовой техникой. В словаре, например, приводится 70 новых понятий в области медицины — названий лекарств, направлений врачебной деятельности, наименований врачебных специальностей («амидопирин», «валокардин», «аллергология», «пульмонология», «иммунолог», «нарколог»). Авторы издания выявили 21 название новых танцев, появившихся в 60-е гг., 20 новых бытовых приборов, 21 слово, характеризующее расширение использования в быту советских людей легковых автомобилей и новых видов транспорта. Языковая ситуация корректирует и традиционное представление о социально-бытовой значимости открытия космоса. В словаре зафиксировано всего лишь 15 сложных слов с основой «космо» и 13 с основой «ракето» и одновременно 69 с основой «радио», 57 — «кино», 56 — «гидро», 54 — «авто», 45 — «электро», 44 — «теле» и др.

Обновление официального, подцензурного языка, произошедшее в годы хрущевских реформ, очевидно. Оно произошло под воздействием расширения связей с Западом (увеличение слов иностранного происхождения: «аутсайдер», «бармен», «деэскалация», «картинг», «кемпинг», «уикэнд»), процессов деколонизации (наименования представителей населения освободившихся стран — «ганцы», «гвинейка», «тоголезцы»), бурного развития науки («гомотрансплантант», «ДНК лазер», «перцепиент»), техники («гидробур», «импульсар», «миксер», «сверхпроводник») «химизации народного хозяйства» («аэрозоль», «дакрон», «латекс», «поролон», «орлон»).

Вышеперечисленные и многие другие новые слова и понятия появились в результате изменений приоритетов советской внешней и внутренней политики и обрели органичное звучание в бытовом языке. И это принципиальное отличие лексики эпохи хрущевских реформ от тоталитарного «новояза». Однако есть в этих двух лингвистических системах и общее, а именно, четкое языковое оформление понятий «нормы» и «аномалии». Трактовка этих понятий находит выражение в формировании как своеобразных образцов, жизненные сценарии которых предлагаются властью в качестве общественных идеалов, так и антиобразцов, антигероев.

Создатель «теория ярлыков» Г. Беккер в книге «Аутсайдеры» (1963 г.) писал: «Лицо с отклонениями — это человек, на которого сумели наклеить этот ярлык: отклоняющееся поведение — это поведение, которое люди называют таковым»¹⁷. Эти языковые ярлыки эпохи Н. С. Хрущева нашли отражение в словаре-справочнике 1971 г. В издании запечатлены продукты нормализующих суждений власти («стиляжка», «разложенец», «тряпичник») и слова, канонизированные в качестве антиобразцов с помощью трансформации суждений нормативного (правового) характера («валютчик», «тунеядец», «фарцовщик») ¹⁸. Следует отметить, что два последних понятия отсутствуют в «Толковом словаре языка Совдепии».

Позиционируя словарь-справочник 1971 г. как значимый источник для детальной реконструкции общественно-политической и культурно-бытовой атмосферы в СССР в годы реформ

Н. С. Хрущева, следует отметить, что он требует традиционной для историка источниковедческой проверки. Это необходимо делать с помощью не только государственных документов, нарратива и т. д., но и подобных ему справочных источников, построенных по словарному типу. К материалам такого рода следует отнести «Краткую энциклопедию домашнего хозяйства», изданную в 1959 г.¹⁹ В нее включено около 750 статей по вопросам устройства домашнего быта, гигиены, здоровья и т. д. Материалы энциклопедии позволяют уточнить время появления в советской действительности тех или иных реалий нового быта.

Любопытна ситуация с названием синтетической ткани «лавсан», которую в качестве образца «новояза» маркировали авторы «Толкового словаря языка Совдепии». Это же слово фигурирует как новообразование середины 60-х гг. в словаре-справочнике 1971 г., хотя на самом деле одно из первых отечественных полиэфирных волокон — лавсан — было создано в конце 50-х гг. в руководимой академиком В. В. Коршаком лаборатории высокомолекулярных соединений Академии наук, что и дало название волокну. Наличие лавсана в быту уже в конце 50-х гг. подтверждается и данными периодической печати²⁰. Такую же ситуацию можно выявить, обнаружив в обоих изданиях (1959 и 1971 гг.) слова «лосьон» и ряда других понятий. Лингвисты считали их новообразованиями 60-х гг., а на самом деле они существовали и во властном дискурсе, и в реальной жизни уже в конце 50-х гг. Более того, сравнение «Толкового словаря языка Совдепии» и «Краткой энциклопедии домашнего хозяйства» позволяет утверждать, что зачастую самое явление, вещь, предмет действовали в пространстве повседневности уже в конце 50-х гг., но свое знаковое, а иногда и символическое название получили лишь в середине 60-х гг.²¹ Это можно продемонстрировать на примере понятия «автомобильный туризм» (энциклопедия 1959 г.) и слова «автотуризм» (словарь 1971 г.) Так, уже весной 1955 г. одна из крупных советских газет сообщила своим читателям, что скоро на Кавказе начнут свою деятельность пансионаты «по обслуживанию граждан, приезжающих на курорты на своих автомобилях»²². Действительно, в СССР в середине 50-х гг., одновременно с ростом производства отечественных легковых машин и приобретения их частными лицами, возникла новая форма активного отдыха — путешествие на собственном автомобиле или туризм автомобильный (наряду с пешим и водным). Его активно пропагандировали средства массовой информации и в особенности кино. Уже в 1957 г. на экраны страны вышел фильм режиссера А. Тутышкина «К Черному морю». Фильм в целом не заслуживал особого внимания. Но его знаковость заключалась в том, что почти все действие проходило в дороге. Люди на собственных машинах ехали отдыхать на юг. В 1956 г. С. В. Михалков написал пьесу «Дикари», постановку которой осуществил в 1958 г. московский театр им. М. Н. Ермоловой. Дикарями драматург называл людей, приехавших на собственных машинах на юг и расположившихся на отдых в палатках прямо на берегу. Идеи доступности таких поездок предлагались и молодежи, не имевшей собственных машин. В фильме «Друг мой Колька» (1961 г.) пионервожатый на общественных началах, направленный в школу, завоевал сердца ребят именно мыслью восстановить старый грузовик и поехать на нем в Крым.

Но апофеозом восхваления путешествий на собственной машине стала комедия «Три плюс два», снятая режиссером Г. Оганесяном по сценарию С. Михалкова в 1963 г. Тогда же появилось и знаковое понятие «автотуризм», зафиксированное в словаре новых слов.

Таким образом, лингвистические данные, позволяющие уточнить модель развития советского общества в 50–60-х гг., тем не менее, как и любые иные источники, требуют источниковедческой экспертизы. В наибольшей мере это касается словарей, составленных в 90-е гг. Их авторы расширительно толковали вербальную ситуацию 50–60-х гг., заменяя лингвистические реалии официального языка того времени на сленговые выражения, зачастую появившиеся в более поздний период. Издания же начала 70-х гг., несмотря на очевидное влияние цензуры, все же сумели создать довольно точное представление о разнообразных сторонах жизни в СССР в 50–60-х гг.

Новые слова и выражения, появившиеся в эти годы, могут служить серьезным аргументом, в системе доказательства деструкции сталинизма, выразившейся, в частности, в распаде языка сталинского времени. В создании же новой лексики как результата процесса десталинизации наряду с государственной политикой важную роль сыграли такие факторы, как рост престижа интеллекта и демократизация советской повседневности. Это дает возможность выдвижения гипотезы об относительной самостоятельности функционирования новых слов и выражений в обществе. Вероятно, поэтому язык политической элиты СССР 50–60-х гг., в частности ее лидера, так резко отличается от подцензурной лексики в целом. Исследуя язык тоталитаризма, Дж. Оруэлл отмечал: «Чем меньше выбор слов, тем меньше искушение задумываться». Обилие, новизна и разнообразие слов и выражений хрущевского времени, напротив, способствовали развитию необратимых процессов в сознании населения.

---

¹ Зиновьев А. А. Русская трагедия. М., 2005. С. 39.

² Подробнее см.: Ильенко С. Г., Максимова М. К. К истории общественно-политической лексики советского периода // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 165. Л., 1958; Бельчиков Ю. А. Из истории русского языка советской эпохи // Русский язык в национальной школе. 1967. № 1; Шанский Н. М. Развитие словообразовательной системы в советскую эпоху // Русский язык в национальной школе. 1967. № 3; Протченко И. Ф. Лексика и словообразование советской эпохи. М., 1975; Зильберт Б. А. Языковая личность и «новояз» эпохи тоталитаризма // Языковая личность и семантика. Волгоград, 1994; Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995; Щербинин А. И. «Я русский бы выучил только за то...» Изучение языка как средство конструирования картины тоталитарного мира в сознании советских школьников // Политические исследования. 2000. № 1; и др.

³ Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. Избранные работы. М., 1977. С. 176.

⁴ Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга. М., 2007. С. 630.

⁵ Подробнее см.: Лошманова Л. Т. Жаргонизированная лексика в бытовой речи молодежи 50–60-х гг.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1975; Лукошанец Е. Г. 1) О лексике современного молодежного жаргона: Англоязычные заимствования в студенческом сленге 60–70-х гг. // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983;

2) Лексические заимствования и их нормативная оценка (по материалам молодежного жаргона 60-70-х гг.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1992.

⁶ Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. С. 106.

⁷ См., например: *Одесский М. П., Фельдман Д. М.* Поэтика «оттепели»: материалы к изучению пропагандистской модели XX съезда КПСС. Идеологема «культ личности» // *Нестор*. 2005. № 7. Технология власти; *Фельдман Д. М.* Пропагандистская схема XX съезда КПСС: к истории термина «реабилитация» в советской культуре // *Нестор*. 2005. № 7; *Зубков С.* Родословная кузькиной матери. Крылатые слова Никиты Сергеевича // *Родина*. 2007. № 2.

⁸ *Эпштейн М. Н.* Слово как произведение: о жанре однословия // *Новый мир*. 2000. № 9. С. 207.

⁹ Подробнее см.: *Кустова Г. И., Падучева Е. В.* Словарь как лексическая база данных // *Вопросы языкознания*. 1994. № 4.

¹⁰ *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.

¹¹ Там же. С. 9.

¹² *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию // http://www.classes.ru/grammar/171.Gumboldt/source/worddocuments/_32.htm (дата обращения: 5.04.2011.)

¹³ Подробнее см.: *Бартов А. А.* «Новояз» в литературе и в жизни. К 60-летию выхода романа Джорджа Оруэлла «1984» // *Нева*. 2009. № 3.

¹⁴ Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. / Под ред. Н. З. Котеловой, Ю. С. Сорокина. М., 1971.

¹⁵ *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998. С. 296.

¹⁶ Там же. С. 643.

¹⁷ Цит. по: *Монсон П.* Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб.: Нотабене, 1992. С. 182.

¹⁸ Подробнее см.: *Лебина Н. Б.* Антимир: принципы конструирования аномалий. 1950–1960-е годы // *Советская социальная политика: сцены и действующие лица. 1940–1985*. М., 2008.

¹⁹ *Краткая энциклопедия домашнего хозяйства: В 2 т. М., 1959.*

²⁰ Подробнее см.: *Лебина Н. Б.* Синтетика: любимая ткань непостроенного коммунизма // *Теория моды*. 2008. № 10.

²¹ О механизме преобразования реалей в знаки, символы и семиотические парадоксы подробнее см.: *Барт Р.* Мифологии. М., 1996.

²² *Ленинградская правда*. 1955. 19 марта.